

ЛИОН

Какие бы резкие столкновения ни возникали между Горой и Жирондой в Конвенте, борьба между ними, вероятно, затянулась бы надолго, если бы она ограничивалась стенами Законодательного собрания. Но со времени казни Людовика XVI события пошли ускоренным ходом и разделение между революционерами и противниками революции так резко обозначилось во всей Франции, что для неопределенной, ублюдочной партии не было места. В силу самих событий жирондисты, противясь дальнейшему развитию революции, неизбежно оказались вместе с фельянами и роялистами в лагере антиреволюционеров; и, как таковых, революция неизбежно должна была их устранить.

Казнь короля глубоко отозвалась во всей Франции. Если буржуазия была объята страхом при виде такой дерзости «горцев» и дрожала теперь за свои имущества и жизнь, зато наиболее разумная часть народа увидела в этом шаге новый поворот в революции и стала надеяться, что теперь наконец будет сделано что-нибудь, чтобы открыть народу пути к обещанному революционерами благосостоянию для всех.

Велико, однако, было их разочарование. Королевская власть исчезла, но высокомерие богатого класса не уменьшалось, а увеличивалось. Оно резко проявляло себя в богатых кварталах больших городов; оно било в глаза даже в трибунах Конвента, открытых для публики, где представители богатой буржуазии, пышно разодетые, составляли своего рода аристократический клуб. И это в то время, когда нищета, все более и более черная, росла среди бедного населения Парижа, по мере того как надвигалась эта мрачная зима 1793 г., с ее недостатком хлеба, безработицей, дороговизной припасов и падением курса ассигнаций. Притом все это становилось еще более мрачным от известий, прибывавших отовсюду; с границ, где армии таяли, как снег; из Бретани, где готовилось всеобщее восстание при поддержке Англии; из Вандеи, где 100 тыс. восставших крестьян резали «патриотов» (т. е. революционеров) под благословениями своих священников; из Лиона, ставшего оплотом контрреволюции; из казначейства республики, перебивавшегося одними выпусками ассигнаций, - и, наконец, из самого Конвента, который топтался на месте, истекаясь внутренними раздорами, бессильный что бы то ни было предпринять решительное.

Все это вместе с царившей в стране нищетой парализовало революционные порывы. В Париже рабочая беднота, т. е. санкюлоты, не являлась более в достаточном числе в свои секции на вечерние общие собрания, и контрреволюционеры из буржуазии пользовались этим. В феврале 1793 г. «золотая молодежь» (в Париже их называли «les culottes dorees») овладевала секциями. Они являлись в большом числе и проводили реакционные решения, или они смещали должностных лиц из санкюлотов и, пуская в ход свои дубинки, сами себя назначали на их места. Революционерам пришлось поэтому организоваться так, чтобы соседние секции прибегали по первому зову на помощь тем секциям, которые наводнялись буржуазными контрреволюционерами.

В Париже и в провинциях был даже поднят вопрос о том, не следует ли устроить так, чтобы муниципалитеты платили по два франка в день тем из бедных рабочих, которые присутствовали на собраниях секций и занимали должности в комитетах. После чего жирондисты потребовали от Конвента, чтобы все эти организации: секции, народные общества и департаментские федерации - были распущены. Они даже не понимали, какой страшной силой обладал еще старый порядок, и не видели того, что подобная мера неизбежно обеспечила бы немедленное торжество контрреволюции, а, следовательно, гильотину и для них самих.

Впрочем, несмотря на все это, секции рабочих кварталов Парижа еще не падали духом. А тем временем новые идеи вырабатывались в умах, намечались новые течения и люди искали, как выразить их в более определенных выражениях.

Парижская Коммуна, получая от Конвента значительные денежные пособия для покупки зерна и муки, поддерживала в Париже, хотя и с трудом, цену на хлеб в 3 су за фунт (около 6 копеек). Но чтобы купить дешевого хлеба, надо было простаивать добрую половину ночи на тротуаре, у дверей булочных. Притом народ понимал, что Коммуна, покупая зерно и муку по тем высоким ценам, которые поддерживали скупщики, тем самым обогащала их и за счет государства. Дело не выходило, таким образом, из заколдованного круга спекуляции и наживы.

А между тем спекуляция достигла ужасающих размеров. Она стала любимым средством обогащения нарождавшейся буржуазии. Не только поставщики для армии наживали крупные состояния в самое короткое время, но на все шла такая же спекуляция в больших и малых размерах: на хлеб, на муку, на кожи, на масло, на свечи, на жечь и т. д., не говоря уже о колоссальных спекуляциях на